

ҚАЗАҚ ССР ПӘНЛӘР АКАДЕМИЯСИ

Уйғуршунаслиқ бөлүми

УЙҒУР ТИЛИ
БОЙИЧӘ
ТӘКШҮРҮШЛӘР



«НАУКА» нәширияти
АЛМУТА-1965

иЯ
К 11726 АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

Отдел уйгуроведения

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО УЙГУРСКОМУ
ЯЗЫКУ

6308



Издательство «НАУКА»
АЛМА-АТА-1965

- нті (числит. порядковое): *ікінті* «второй»;
 -ка//кә (дат. п.): *оққа* «стреле», *ташқа* «камню», *йылқа*
 «году», *ајқа* «месяцу», *будунқа* «народу», *оғузқа* «огузу»;
 -рә (мест. п.): *оңрә* «прежде», «раньше»;
 -ур//ур (наст. будущ. вр.): *кәлур* «будет приходить»;
 -уп, -уп, -ып, -іп, -п (дееприч.): *олурып* «сидев», *сақынып*
 «задумав», *тутып* «держав», *кәчип* «переходив»;
 -у, -у (дееприч.): *ају* «говоря».

Док. КЛОСОН

О НАЗВАНИИ «УЙГУР»¹

Почти девять столетий слово «уйгур» (*Uyğur*), название тюркского племени, которое сыграло важную роль в истории Монголии и Китайского Туркестана в период с VIII и, возможно, вплоть до XIII в. и которое говорило на одном из тюркских диалектов, называемом иногда *уйгурским*, имело неотразимую привлекательность для тех, кто стремится определить этимологию названий тюркских племен и имен собственных.

В своем *Dīwān lugātī 'l-turk* Махмуд Кашгарский еще во второй половине XI в. писал следующее: «*Уйгур*» — это название страны, состоящей из пяти городов. Александр Македонский построил их после заключения мира с повелителем турок. Низамул-дин Ибрафил Тоган Тегин сын Мухамеда Чакир Тонка Хана, ссылаясь на авторитет отца, сказал: «Когда Александр Македонский подошел к стране уйгуров, Каган турецкий послал ему навстречу 4000 человек; поля (*acniha*) их шляп были похожи на крылья кречетов. Из лука они стреляли с одинаковой меткостью назад и вперед. Они удивили Александра Македонского, и он сказал (на современном персидском языке): *Tnan xwuid xwurand*, что означает: «Эти люди сами добывают себе пищу, потому что дичь не может ускольз-

¹ В целях ознакомления уйгурских читателей с исследованиями зарубежных ученых в области истории уйгурского языка редколлегия сочла нужным опубликовать в сборнике перевод с английского языка статьи сэра Джерарда Клосона, посвященной этимологии этнонима «уйгур»: «The name Uyğur» by Sir Gerard Clauson из журнала «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland» Parts 3, 4, 1963, стр. 140—149.

Перевод статьи с английского языка выполнен М. Н. Велижаниной.

нуть от них, и они едят вволю. Поэтому эта страна называлась *xudxur*. Затем первое *xā* изменилось на *alif*. Это явление присуще задненебным в турецком языке (*hurūfu'l-halq*), задненебные чередуются и, особенно, *xā* переходит в *alif*, а *alif* в *xā*.

Махмуд, автор вышеупомянутой книги, говорит: «Вот почему мои предки *amirs* назывались *xamir*, потому что огузы не могли произносить *amir* и изменили *alif* на *xā* и называли его *xamir*; моего отца, который отвоевал страну турок у саманидов, звали *Amir Becergin* (? невокализированно и первая буква без точки), и они изменили *alif* и *xā*, как я показал вам на примере «уйгур». А когда огузы изменили *xā* на *alif*, они изменили *dal* в *xud* на *ya*. Это важное правило, что *dal* переходит в *ya*. Затем *xā* в *xur* перешло в *gayn*; переход *xā* в *gayn* и *gayn* в *xā* допустимо, как видно из *xatara* и *gadara* (арабских глаголов)². Эта страна состоит из пяти городов, и ее народ — самые сильные и лучшие стрелки из лука среди неверных. Эти города следующие: Сулми, который построил Александр Македонский; Кочо, Кан Балык, Беш Балык и Яни: Балык» (стр. 68, MS., I 101 — печатного текста, I. 111. перевода Б. Аталей). Повествование и этимология в равной степени устарели.

Великий *Diwan* Кашгарского погиб в одно из монгольских нашествий, но мы должны быть всегда благодарны, что в Анатолии сохранилась одна рукопись, которая дает современным тюркологам прочную основу для их этимологических исследований; но она была совершенно неизвестна ученым средневековья. Что касается «значения» *уйгур*, пришлось начать новые поиски и, очевидно, это сделал Рашидуллин Фадлулла ал-Хамадани в своей книге *Ṣami'u'l-tawārix*, написанной во втором десятилетии XIV века. Соответствующие абзацы можно найти в персидском оригинале с переводом на немецкий язык во введении к книге В. Радлова «*Das Kudatku Bilik des Yusuf. Chasshadschib aus Balasagun*» (Санкт-Петербург, 1891) и в русском переводе Л. А. Хетагурова в «*Rashid-ad-din, Sbornik Letopisey*», том I, Москва — Ленинград, 1952. Первый абзац (стр. XVIII—83) можно перевести следующим образом:

«Когда эта страна подчинилась Огузу и верховная власть находилась прочно в его руках, он поставил золотой шатер и устроил большой пир; он чтит своих родственников и своих военачальников и забавлял свои войска; всех своих дядей

² Эти два глагола фактически синонимичны и означают «предавать», «быть предателем».

и соплеменников, которые присоединились к нему, он назвал *уйгурами*, что по-тюркски означает «объединяться и помогать» (*ba-ham paywastan wa madad kardan*). Такой же рассказ повторяется примерно в тех же выражениях в следующем абзаце (стр. XIX—83) и в следующем разделе книги (стр. XXIV—146).

Абул-гази Бахадур Хан в своей книге «*Ṣacaratu'l-atrāk*», написанной примерно в 1663 г. нашей эры на одном из тюркских языков, который лучше всего назвать ранним узбекским, излагает несколько иную теорию. Этот отрывок можно найти в тексте-оригинале и в немецком переводе Радлова на стр. 38

и в османском переводе в «*Abu'l-gazi Bahadur Khan, Türk Seceresi (Ṣacara-i Turk)*», сделанном д-ром Риза, Нур, Стамбул, 1925 г. нашей эры, стр. 42, и его можно перевести следующим образом: «*Уйгур*» означает *yapışgur* («прилипший»); говорят *süt uyudi* («кислое молоко»); а когда оно пресное (свежее), то частицы в нем не соединены, но после того, как оно свернется, они уже не отдельные, они склеились (*yapisti*),

т. е. слиплись. Говорят также *imamga uydum* (я последовал за *imam*'ом); когда *imam* садится, садятся и они, когда он встает, встают и они, т. е. они его последователи (*yapışkani*). Уместно перевести высказывание одного из последующих персидских авторитетов, поскольку это обобщает официальную доктрину восточных ученых по данному вопросу. У Мухамеда Махди-хана в его «*Sanglax*», написанной в 1759 г. нашей эры, находим следующее:

«*Уйгур*». Говорят, что в то время, когда между Огуз-ханом и его отцом и дядями начался спор о религии, некоторые из его одноплеменников (*aqrabā*) перешли на сторону Огуза и поступили к нему на службу. Он дал им титул *уйгур*, т. е. «он присоединился к нам» (*ba-ma paywast*). Автор книги «*Zafar nama*» утверждает, что *уйгур* означает «присоединиться и заключить договор друг с другом» (*paywastan wa bā yak-digar'ahd bastan*), а автор «*Ta'rix Habibu'l-siyar*», описывая подвиги Идикута, правителя племени, которое было в

вассальной зависимости у Чингиз-хана, написал имя *Aygur* с *jatha* над *alif*. Итак, это — название племени узбекских турок, которые принадлежат к этому племени (*firqa*) и являются знатнейшими (*ancab*) из племен узбеков». (E. J. W. Gibb Memorial, New Series; XX, факсимиле, fol. 92 v. 8).

Итак, распространенная средневековая теория на Востоке заключалась в том, что слово *уйгур*, пользуясь современ-

ной терминологией, является отглагольным именем существительным с окончанием **gug**, образованным от глагола **чу-**, что значит «присоединиться», «заключить союз»; но Абул-гази возводит его к глаголу **чу-**, означающему «прилипнуть, склеиваться» и которое он, видимо, не сумел отличить от слова **чу-**.

Допуская, что по теории Абул-гази второй слог это — тюркский отглагольный суффикс **-gug**, нужно бы сказать, что и та и другая теория, или, во всяком случае, первая, была бы правильной, если бы говорили на том же тюркском языке, на котором говорили после XIV века и несколько столетий ранее VIII века, т. е. когда уйгуры получили свое название. В XIV веке глагол **чу-**, означающий «следовать» и тому подобное, бытовал во всех тюркских языках, включая чагатайский, кипчакские диалекты и огузские диалекты (туркменский и староосманский). Таким же, во всяком случае во времена Абул-гази, был глагол **чу-**, означающий *inter alia*, «склеиваться», но это значение, по-видимому, развилось сравнительно недавно. Глагол, исконная форма которого была **ud-**, первоначально означал буквально «идти спать»; затем стал означать метафорически (говоря о конечностях) «стать онемелым» (онеметь) (в английском языке мы употребляем «ложиться спать» именно в этом метафорическом смысле) и, наконец, (говоря о крови) «сворачиваться» и (о молоке) «прокисать».

Мы можем свободно не считаться с теорией Абул-гази; вторая теория требует более серьезного рассмотрения, тем более что некоторые ученые до сих пор считают ее обоснованной. Первый, кто заметил сильное противоречие в этой теории, был Пейлино. Так, в сноске его посмертного труда «Notes sur l'Histoire de la Horde d'Or» («Заметки по истории Золотой орды», Париж, 1950 г. сноска на стр. 229) указывалось, что средневековый глагол «следовать» **чу-** является лишь более поздней формой от глагола **ud-**, формой, которую этот глагол имел в уйгурском и хакасском языках (и которая сохранилась, вероятно, до XIII в. в «Ибатул хакаик»). К сожалению, он был убежденным приверженцем теории, предполагающей, что названия тюркских племен имеют всегда значения, доступные для анализа, и поэтому он сразу же ищет выхода из этого противоречия. Приходится сожалеть, что запись Броккельмана в Индексе к Кашгарскому привела его к ошибочному заключению: «Кашгарский уже регистрирует форму **ud-** «следовать за кем-то» и в силу этого он выдвинул теорию, что название уйгур возникло в одном из диалектов Северо-Запада, в котором **ud-** уже перешло в **ud-** и который уже не был диалектом, на котором позже говорили

в Турфане. Это неправильно по двум веским причинам. Во-первых, запись Броккельмана — просто ошибочная. Он ссылается на фразу **ka : b**, приводимую в переводе (Аталей III, 146) **ol menin, birle : uya : ka : b ol** «он мой родственник, как будто бы оба родились близнецами» (**ka : b**).

Uya: здесь имя существительное **уя**, переведенное у Аталей (1,85) «брат, родственник», у которого нет никакой этимологической связи с **ud-** — «следовать». Во-вторых, **ud-** не употреблялось не только в диалекте Турфана; это была норма, используемая во всех ранних тюркских языках, начиная с тюркских языков VIII века и позже. Более того, в этой теории есть серьезная нелогичность. Совершенно верно, что к XI веку звонкий спирант **-d-** начал исчезать, а позже и вовсе исчез из тюркских языков; в большинстве случаев он стал полугласным **-u-**, в некоторых — звонким шипящим **-z-** и в одном-двух случаях стал звонким взрывным **-d-**. Действительно, в некоторых языках, особенно в языках огузской группы, он уже перешел в **-u-** к XI в., но уйгурский язык не относится к этим языкам. Вполне понятно, что название уйгур возникло среди людей, которые называли себя уйгурами и говорили на языке, который они и мы называем уйгурским. На протяжении всего периода, когда этот язык был распространенным, звонкий взрывной **-d-** сохранил свой специфический характер, а в языке сарыг уйгур («желтые уйгуры») из Ганьсу, которых принято считать историческими потомками уйгур, этот звук перешел в **-z-**, а не в **-u-**. Слово **ud-** — «следовать» теперь устарело в этом языке, а **udi-** — «идти спать» стало **uzu** — (см. С. Е. Малов «Язык желтых уйгуров», Алма-Ата, 1957, стр. 129).

Этимология Рашидул-дина поэтому терпит неудачу на том основании, что в то время, когда уйгуры приняли свое название, они не произносили слово «следовать» как **чу**³. Нет также никакого другого старого тюркского глагола такой формы, от которой можно было бы образовать его. Он, очевидно, не произошел и от **o : y-** «выкапывать» (например, «выкапывать мякоть из дыни»), и единственным другим известным глаголом этой формы **чу-** «месить» (замешивать), «выжимать» является сомнительная вторичная форма, наблюдаемая только в кашгарском языке (Аталей I, 176) известного глагола **чу-**, которая в той или иной форме сохранилась в

³ В этом нет ничего удивительного: его работа изобилует ложной этимологией, например, монгольское имя или титул *Otigin* он объясняет как тюркскую фразу «государь, князь (*tigin*) домашнего очага (*ot*)», тогда как это на самом деле монгольская фраза *ot*, основная форма от *otgan* (уменьшительное) «самый молодой» (Ковалевский, стр. 390) (*igin*) от тюркского (*tigin*) «князь».

ряде современных языков, в османско-турецком в виде **og/ov-**. Если **уйгур** действительно произошел от глагола **уу-**, то этот глагол уже устарел к VIII в., и у нас нет разгадки его значения.

Это, естественно, ставит под сомнение обоснованность теории, что в исторический период с VIII в. и позже был исконный тюркский отглагольный суффикс **-gur/-gür**. В тюркских языках нет и следов такого суффикса, нет его и в уйгурском, хаканском, кипчакском, огузском или в каком-нибудь другом тюркском языке, известном до монгольского нашествия. Но он все же появляется в чагатайском, и мы можем заключить по этимологии Рашидил-дина об **уйгур**, что он был известен ему в XIV в. В своем грамматическом введении к *Sanglax*, которое имеет отдельное заглавие «*Mabānī'l-lu-gat*», Мухамед Махди-хан посвящает четвертую главу (*bāb*) первой книги (*mabnā*) *ism-i fā'il* «*Nomen Agentis*» (Существительные, выражающие действие). Труд состоит из двух частей (*qism*). Первая часть включает:

а) правильные суффиксы:

1) **-guçi/-güçi**;

2) **-çi/-çü**, которые являются обычными тюркскими суффиксами отглагольных и отыменных существительных, выражающих действие, соответственно.

б) неправильные суффиксы:

1) **-ul/-ül**, который является фактически нормальным монгольским отглагольным суффиксом *Nomen Agentis*, который проник в чагатайский язык на конце некоторых монгольских заимствованных слов⁴;

2) **-agan/-egen**, нормальный отглагольный суффикс, обозначающий частое или повторяющееся действие;

3) **-çak/-çek**, отглагольный суффикс неопределенного значения в чагатайском языке;

4) **-çi/-çü** в качестве отглагольного суффикса.

Вторая часть включает:

а) правильные суффиксы:

1) **-r**, правильно характеризуемый как суффикс причастия аориста;

2) **-gan/-gen** — по сути дела суффикс причастия, хотя он и не обозначен таковым;

в) Неправильные суффиксы:

1) **-gur/-gür** описывается ниже;

2) **-gun/-gün** нормальный отглагольный суффикс, обычно непереходный или страдательный по характеру, например **olgun** «зрелый» от **ol** «становиться зрелым» и **tutgun** «пленник» от **tut** «брат, держать».

Вот что сказано относительно (1): «Первое это — **-gur/-gür** как в **uçgur** «быстро летящий», **tingur** «отдыхающий», **ötgur** «пронизывающий» и **oyganmagur** «не бодрствующий» (последнее иллюстрировано выдержкой из Навои). А в некоторых словах значение соответствует значению существительных действия, как указано в первой главе, относящейся к «*Nomen Actionis*» *ism-i masdar* (факсимиле, fol. 7r. 9ff.).»

В этой главе приводится выше упомянутый суффикс и иллюстрируется примером **çikgur** и **tinmagur**; обе выдержки взяты из Навои (факсимиле, fol. 5v. 9ff.).

Некоторые из слов, приведенные в *Sanglax*, все еще сохраняются, хотя, как правило, в несколько измененной форме.

Uçgur, например, ныне обычно **uçkur**, отмечено как существующее в трех южно-сибирских диалектах: алтайском, телеутском и барабинском (Радлов: *Wörterbuch...* (Словарь)... I, 1730, 1740), казахском (I, 1905) и казанских татар (I, 1329), и **ötkür** примерно в тех же языках. Нет поэтому сомнения от-

носительно существования суффикса **-gur/-gür** в этих языках, хотя он и необязательно используется активно для образования новых слов, но его происхождение не следует искать

далеко. Нет оснований сомневаться, что подобно **-ul/-ül/-gul/-gül** он является монгольским суффиксом, который проник в чагатайский и другие языки, сильно изобилующие монгольскими заимствованными словами и формами времен монгольского нашествия, и не является частью исконной тюркской системы суффиксов.

Доказательство, что **Уйгур** никогда не имел никаких этимологических значений, которые приписывались ему, вовсе не означает, что он не имел какого-то этимологического значения, а еще больше заставляет нас поразмыслить над вопросом о названиях тюркских племен и их возможных значениях.

⁴ В действительности имеются две формы этого суффикса, взятые из разных монгольских диалектов: **-ul/-ül** и **-gul/-gül**, которые в некоторых тюркских языках стали **-kull/-kül**, и разные формы одних и тех же слов появляются в различных тюркских языках. Например, слово *kara'ul* «караул» (чуждой) *dida-bāna*, приведенное в *Sanglax*, сохранилось в османско-турецком как *karakol*; изменение в третьем гласном звуке, вероятно, обусловлено ложной этимологией от *kara* «черный», *kol* «рука».

Прежде чем приступить к этому, будет полезно кратко рассмотреть весь вопрос тюркской номенклатуры. Здесь я не буду затрагивать вопроса географической терминологии (топонимики), т. к. это выдвигает совершенно различивые толкования, если только отметить, что одни названия городов, как **Yan, i: Balik** «новый город», имеют явно тюркские значения, а другие, такие как **Balasagun**, и названия рек, по-

добно **Selen, e** и **Togla**, не имеют и, вероятно, вовсе не тюркские. Это видно из Тувинских (обычно называемых Енисейскими) надписей, которые датируются IX веком и позже, предположительно сделанных киргизскими военачальниками, что, во всяком случае в этом племени, каждому новорожденному мужского пола давали одно имя при рождении и другое имя, называемое **er at**, «взрослое имя», когда человек становился взрослым. Мы не знаем, какова была связь между этими именами, но, очевидно, взрослое имя больше почиталось, чем детское, которое всегда в некоторых тюркских общинах выбиралось самым странным образом, например, только потому, что это было первое слово, произнесенное одним из родителей после рождения ребенка. Следует доба-

вить, что когда мужчина становился **kagan**, он принимал княжеский титул вместо своего имени (или взрослого имени) и что, во всяком случае, члены верхушки общества тюркского племени, вероятно, делали то же самое, когда их назначали на важную должность, но обычно у такого человека было имя, состоящее из трех частей: название племени или клана (рода), его собственное имя и титул, либо туземный, вроде **tarkan** или **ço : r**, либо иностранный (китайский), вроде **çigsi**. У нас есть в распоряжении много тюркских собственных имен из разных источников и из разных периодов. Многие из них имеют осмысленное значение в языке, на котором говорили люди с этими именами, например **Ak-bars**

«белый леопард», **Ay demir** «лунный камень», **Ay dogdi** «луна взошла», последнее потому, что ребенок, вероятно, родился при восходе луны. Но наряду с этими именами, которые имеют явно осмысленное значение, есть и такие собственные имена, особенно в самый ранний период, сведениями о котором мы располагаем, которые не так-то просто объяснить, например имена **Bumin** и **Estemi**; имена двух самых первых тюркских каганов. Они, по существу, попадают в тот же класс, к которому относятся названия племен, говоря этимологически.

Названия племен, как и собственные имена и фамилии, это один из наиболее архаических элементов в любом языке, поскольку они имеют тенденцию, так сказать, «окаме-

невать» и, таким образом, сохраняться в их первоначальной форме гораздо дольше, чем обычные слова, жившие в языке в то время, когда эти имена были приняты, так как последние-то подвержены износу от повседневногo употребления и претерпевают медленные, но упорные фонетические и семантические изменения. Самые ранние значительные остатки тюркских языков восходят к VIII в. нашей эры, но мы имеем в китайской транскрипции известные тюркские племенные имена еще более раннего периода, и даже без этого мы могли бы заключить, что они, конечно, существовали почти в такой же форме намного раньше этого времени. Поэтому мне кажется несколько порочным пытаться искать «значения» таких имен в обычном словарном составе тюркского языка VIII в., не говоря уже о более поздних стадиях языка, когда только мгновенное раздумье показало бы, что большинство, скажем, английских, французских собственных имен и фамилий не имеют «значения» в современном английском или французском языках. Предположительно, что некий мистер Смит обязан своей фамилией тому факту, что один из его предков, вероятно отдаленных, был кузнецом, но ни Пауль, ни Пеллио, скажем, не имеют никакого значения во французском языке, а также Джерард и Клосон — в современном английском языке. Верно, что, изучая современные европейские имена (названия), обычно можно найти какое-то значение их, если мы проследим за ними достаточно глубоко в прошлом, в каком-нибудь иностранном языке (может быть в латинском, греческом, древнееврейском), из которого они были взяты. Пауль, например, можно найти в латинском источнике, и очень возможно, что английская фамилия Фабер — это латинское слово *faber* «кузнец»; но это невозможно с тюркскими именами, потому что нет возможности проследивать их раньше VIII в. или, в лучшем случае (но тогда только по иностранным источникам), раньше VI века или немного ранее.

Даже если есть видимо ясный пример племенного названия, имеющего значения, факты, вероятно, не так просты, как они сначала кажутся. Хорошо известное название тюркского племени 'канли', как известно с раннего периода, исключает возможность того, что второй слог — это суффикс притяжательного прилагательного, т. к. в самый ранний период, кото-

рым датируется это слово, этот суффикс был **-lig** и не потерял еще своего конечного согласного. В загадочном средневековом (XIII или XIV в.) тексте «Die Legende von Oghuz Qaghan», S. P. A. W., Berlin. 1932, опубликованном Бангом и Рахматом и находящемся в национальной библиотеке в отделе тюркских рукописей (стр. 277 ff.), который, между прочим,

содержит другие случаи псевдоэтимологии племенных имен, помещен рассказ (строчки 277 ff.) о человеке, который делал и пользовался повозками (**kanga**), что приводит Огуз Кагана к созданию названия **Kangalug**, т. е. **Kan.li**, в качестве названия для него самого и для его племени. Этот рассказ произвел такое сильное впечатление на проф. Маркарта (*Marquart*) (ученого, который так интересуется этимологией фамилий, что в преклонном возрасте он изменил написание своей собственной фамилии на *Markwart* с тем, чтобы разъяснить ее значение), и он сказал, что этот рассказ «может быть вполне достоверным» (*Über das Volkstum der Komanen*, стр. 163 in *Bang and Marquart Osttürkische Dialektstudien*, A. K. G. W. Göttingen N. F. XIII, I, Berlin, 1914). Странно здесь то, что это самый ранний текст, в котором слово *повозка* встречается

как **kanga** (**kan.a**). В более древних языках, как уйгурский, хаканский, чагатайский и кипчакский, это означало племенное название **kan.li**. Обычно считалось, что племя получило свое название, как и более раннее объединение, названное китайцами Као-Ш'э, «высокие повозки», — потому что они использовали повозки для перевозки своих семей и имущества. Но также возможно, что повозка получила свое название **kan.li**: потому, что именно племя **Kan.li** ввело повозки такого вида в тюркский мир. Такие повозки известны в Средней Азии с более древних времен, чем когда жили тюрки. Например, повозка такого рода, вероятно IV в. до нашей эры, использованная иранскими народами в Алтайском крае, была найдена в одном из Пазырыкских курганов и сейчас выставлена в Эрмитаже в Ленинграде. Было бы вполне нормально давать названия повозкам по такому правилу. Из всех конных повозок, на которых я ездил в детстве и юности, пока их не заменили автомобили, четыре были названы в честь людей: двухместная карета (*brougham*), двухколесный экипаж (*hansom*), фаэтон (*phaeton*) и легкий двухместный экипаж (*victoria*); три по географическому месту: карета (*coach*), ландо (*landau*), ландолет (*landaulette*); три на четырех колесах имели описательные названия: извозничья коляска (*four-wheeler*), высокий двухколесный экипаж с местом для собаки под задним сидением (*dog cart*), легкая двухколесная коляска (*governess cart*); две последние очень сходные, но предназначены для разных слоев общества; две имели иностранные названия: четырехместная коляска (*barouche*), наемный экипаж (*cab cabriolet*), и только две имели добрые старые английские названия: повозка (двуколка, телега) (*cart*) и коляска (*wagon*).

Пеллино в своей работе «*Notes sur l'Histoire de la*

Horde d'Or», уже приводившейся ранее, приложил много усилий в поисках значений тюркских племенных названий, но в целом его предположения неубедительны, и мне кажется очевидным, что по причинам, уже изложенным, такое исследование, вероятно, исключительно неблагоприятное. Это не значит, что изучение этимологии таких имен — пустая трата времени. Как и все другие языки, тюркские языки — живой организм, который постоянно развивается и изменяется. В самой ранней форме языка, к которой мы имеем доступ, кроме простых слов, слов, составленных с помощью продуктивных суффиксов, был ряд слов, составленных из основных слов (существительных или глаголов) и суффиксов, которые уже устарели к тому времени; были слова, составленные из продуктивных суффиксов, прикрепленных к словам, которые уже вышли из употребления в бессуффиксальной форме, и были слова, которые образовались за счет основных слов и суффиксов, но ни основное слово, ни суффикс уже не употреблялись в языке в других сочетаниях. Разумно предположить, что племенные названия и собственные имена, которые лишены значения, имеют такой же морфологический характер, как и слова основного словарного состава, т. е. большинство многосложных и многие двухсложные слова были первоначально обычными нарицательными именами существительными, которые когда-то имели значение, но устарели как нарицательные существительные до VIII в., так что их значение полностью забыто и большинство из оставшихся двух и более сложных слов были первоначально основными словами (существительными или глаголами), несущими суффиксы. Вполне возможно, что некоторые собственные имена всегда были только собственными именами и никогда не имели никакого значения как нарицательные имена существительные, но очень невероятно, чтобы были когда-нибудь суффиксы, которые использовались только в собственных именах. Может также случиться, что если при морфологическом анализе некоторые имена можно было бы разбить на основные слова (существительные или глаголы) и суффиксы, то некоторые из этих элементов можно было бы найти также в ранних тюркских нарицательных существительных, которые до сих пор не поддавались морфологическому анализу, но этот вопрос представляет не больше чем формальный интерес.

Что мы действительно должны рассматривать в области тюркологии, так это — самое эффективное использование скудных источников, применение филологической экспертизы

к проблемам тюркских языков. Филологи⁵ трудятся над «классическими» языками: латинским, греческим, санскритским, древнееврейским, арабским и остальными — в течение многих веков, но все еще остаются факты, которые нужно открыть. По сравнению с такими языками тюркские языки — почти неизведанная область, и число квалифицированных филологов, которые могут работать над ними, невероятно мало. Было бы разумнее тюркологам следующих однодвух поколений посвятить себя изучению живых языков, изданию критических комментариев к текстам, особенно ранним, и разработать подробно историю обычного словарного состава и грамматики различных языков, а не пытаться открывать значения неясных племенных названий и собственных имен, которые, возможно, будут ускользать от них до тех пор, пока не будет полностью разработан основной словарный состав языка на его самых ранних доступных этапах развития.

⁵ Здесь автор, вероятно, имеет в виду в основном филологов зарубежных стран, которые больше всего занимаются не живыми, а «классическими» мертвыми языками (*Ред.*).